

О ПОСЛАНИЯХЪ СВ. ИГНАТІЯ БОГОНОСЦА.

Между твореніями апостольскихъ отцовъ болѣе всего спорны посланія св. Игнатія. И хотя споры, начавшіеся еще въ 16-мъ вѣкѣ, привели къ многимъ весьма важнымъ открытіямъ; но и до сихъ поръ остаются нерѣшенными окончательно.

Первые начали высказывать сомнѣніе въ подлинности посланій Игнатія магдебургскіе богословы, подобные Кальвину, Хемницу, Социну. Ихъ сомнѣніе впрочемъ не было совершенно неосновательнымъ; потому что текстъ посланій Игнатія, бывшій въ рукахъ писателей 16 вѣка, заключалъ въ себѣ много весьма важныхъ ошибокъ. При томъ же въ числѣ посланій, стоявшихъ съ именемъ Игнатія, было нѣсколько такихъ, которыя дѣйствительно не могутъ принадлежать ему; разумѣемъ восемь слѣдующихъ посланій: 2 къ Іоанну Богослову, 1 къ св. Дѣвѣ Маріи, 1 къ Маріи кассобелисской, 1 къ тарсійцамъ, 1 къ антiохійцамъ, 1 къ діакону Герону, 1 къ филиппійцамъ.

Первыя три очень кратки, и дошли къ намъ только въ переводѣ латинскомъ. Въ 1-мъ посланіи Игнатій, только что просвѣщенный христіанствомъ, проситъ св. Іоанна Богослова придти къ нему вмѣстѣ съ Матерью Божіей и Маріей Саломіей. Во 2-мъ высказываетъ Іоанну желаніе видѣть Богоматерь и брата Господня св. Іакова, по причинѣ наружнаго сходства его съ Спасителемъ, и для исполненія этого желанія испрашиваетъ у св. Іоанна позволеніе отправиться въ Іерусалимъ. Въ 3-мъ посланіи Игнатій

предлагает пресвятой Дѣвѣ вопросъ: дѣйствительны ли тѣ происшествія, о которыхъ говорилъ ему св. Іоаннъ? Св. Дѣва отвѣчаетъ ему письмомъ, въ которомъ говоритъ, что ручается за правдивость любимаго ученика Христова, и даетъ ему обѣщаніе посѣтить вѣрныхъ Антиохіи.

Такого рода содержаніе посланій, конечно, еще не даетъ права заподозрить ихъ въ неподлинности: св. Игнатій могъ писать письма и къ св. Іоанну и къ св. Дѣвѣ. Но писалъ ли? Это весьма важный вопросъ, который не можетъ быть рѣшенъ положительно, потому что древніе писатели не даютъ на него никакого отвѣта.

Что касается остальныхъ пяти посланій, которыя писаны, по видимому, во время путешествія св. Игнатія въ Римъ, то въ нихъ очень трудно замѣтить какое либо сходство съ подлинными произведеніями Игнатія. Изложеніе ихъ представляется безжизненнымъ, и текстъ исполненъ разнаго рода ошибокъ, историческихъ и хронологическихъ.

Посланіе къ одной новообращенной, по имени Маріи кассобелисской, писано будто бы по случаю просьбы ея о томъ, чтобы св. Игнатій послалъ въ Кассобелисъ одного епископа и двухъ пресвитеровъ, не смотря на то, что эти лица очень молоды для столь высокихъ постовъ. Изысканность отвѣта, приписываемаго Игнатію, изобличаетъ латинскаго ритора, а не христіанскаго пастыря. Авторъ дѣлаетъ такіа сравненія между бесѣдой письменной и бесѣдой устной. Онъ называетъ письмо второю гаванью, доставляющею кораблямъ удобное пристанище. Праведниковъ уподобляетъ фонтанамъ, которые привлекаютъ своей красотой даже тѣхъ, кои не чувствуютъ никакой жажды. Такого рода напыщенная риторика несвойственна мужу апостольскому. Есть въ этомъ посланіи и анахронизмъ: именно здѣсь говорится, что Игнатій пишетъ это посланіе во время первосвященничества Климента Римскаго, находясь подъ военной стражей (т. е. предъ своей му-

ченической смерти); но исторически известно, что мученичество Игнатія свершилось чрезъ нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Елимен-та.

Посланіе къ діакону Герону есть извлеченіе изъ посланій ап. Павла къ Тимоѳею и Титу или нѣчто въ родѣ комментарія на нихъ.

Въ письмѣ къ церквамъ Тарса и въ письмѣ къ Антіохій-цамъ авторъ касается весьма важныхъ догматовъ: божества Иису-са Христа и Его вочеловѣченія. Конечно, нельзя отрицать то-го, что и подлинныя письма Игнатія касаются этого же самого предмета; но дѣло въ томъ, что авторъ забываетъ эпоху св. Игнатія, какъ въ изложеніи истинъ, которыя защищаетъ, такъ и въ опроверженіи заблужденій. Такъ напр. онъ относитъ къ 1-му вѣку тѣ церковныя должности, которыя имѣютъ позднѣйшее про-исхожденіе, т. е. должности иподіакона, чтеца, пѣвца, приврат-ника, заклинателя.

Письмо къ филиппійцамъ напоминаетъ еще позднѣйшее вре-мя. Авторъ старается доказать, что не три Отца, не три Сына и не три Утѣшителя, что не три лица св. Троицы воплотились, а воплотилось одно лице—Сынъ Божій. Подобная утонченность напоминаетъ 5-й вѣкъ.

Особенно же критика обратила вниманіе на то, что дока-зывать подлинность всѣхъ 15-ти посланій—значило идти противъ свидѣтельства исторіи, потому что Евсевій и Іеронимъ упоми-наютъ только о семи посланіяхъ Игнатія: Ефессямъ, Магнезіа-намъ, Траллианамъ, Римлянамъ, Филадельфійцамъ, Смирянамъ и Поликарпу.

Въ половинѣ 17 вѣка, именно въ 1644 г., Уссерій, архи-епископъ ирландскій, отыскалъ латинскій манускриптъ этихъ семи посланій, и въ манускриптѣ не оказалось ничего противо-рѣчущаго свидѣтельствамъ отцовъ церкви первыхъ столѣтій. Спустя два года, Исаакъ Фоссій нашелъ въ библіотекѣ Флорен-

*

цій греческій текстъ посланій Игнатія, въ которомъ недоставало только посланія къ Римлянамъ. Но въ 1659 году Руинартъ нашёлъ и это посланіе на греческомъ языкѣ въ библіотекѣ парижской. Греческій манускриптъ во всемъ согласовался съ латинскимъ, и потому ясно было, что наконецъ найдены подлинныя сочиненія св. Игнатія.

Но когда отысканъ былъ греческій текстъ, протестантскіе богословы начали инымъ образомъ нападать на посланія Игнатія. Встрѣчая въ этихъ посланіяхъ довольно подробное ученіе объ іерархіи и божествѣ Иисуса Христа, они стали доказывать, что во времена Игнатія не могло быть столь подробнаго ученія объ этихъ предметахъ, и что слѣдоват. посланія, приписываемыя этому отцу цоркви, должны быть писаны кѣмъ либо спустя одинъ или два вѣка послѣ смерти Игнатія.

Узнавъ объ открытіи Фоссія, Блондель началъ съ энтузіазмомъ хвалить это открытіе, называя 17-й вѣкъ счастливейшимъ, потому что онъ отыскалъ такой манускриптъ, которымъ за 13 вѣковъ пользовался Евсевій. Но послѣ подобныхъ восторженныхъ фразъ ученый перемѣняетъ тонъ рѣчи и говоритъ, что авторомъ посланій, приписываемыхъ Игнатію, должно быть лицо, жившее спустя вѣкъ послѣ епископа антїохійскаго Игнатія.

Когда критики, подобные Блонделю, были опровергнуты Усеріемъ и Фоссіемъ, — явился новый противникъ посланій Игнатія, именно Делле, одинъ изъ лучшихъ ученыхъ кальвинистовъ. Онъ вполнѣ согласенъ былъ признать найденный текстъ посланій Игнатія тѣмъ самымъ, которымъ пользовался Евсевій; но всеми мѣрами старался доказать, что посланія, приписываемыя св. Игнатію, написаны кѣмъ-либо другимъ, спустя два вѣка послѣ смерти Игнатія.

Пearсонъ честерскій, въ своемъ сочиненіи: *Vindiciae Ignatianae*, представилъ свидѣтельства 14-ти вѣковъ о посланіяхъ Иг-

натія, и съ такою силою отеѣчалъ на важнѣйшія возраженія противъ подлинности этихъ посланій, что споръ объ нихъ, можетъ быть, и не возобновился бы, если бы новое открытіе не подало пищи этому спору.

Когда британскій музей пріобрѣлъ въ 1847 г. архивъ монастыря св. Маріи (въ Нитри), и поручилъ Кюртону разобрать его то между древними манускриптами оказался сирійскій текстъ трехъ посланій Игнатія: (къ ефесеямъ, римлянамъ и Поликарпу). Сравнивъ этотъ манускриптъ съ манускриптами Уссерія и Фоссія, Кюртонъ замѣтилъ, что въ немъ недостаетъ нѣкоторыхъ мѣстъ относительно іерархіи и божества Иисуса Христа. Обрадовавшись такому открытію, онъ объявилъ, что прежде-найденный текстъ посланій Игнатія долженъ бытъ произведеніемъ 4-го вѣка. Защитникомъ его мнѣнія явился Бунзенъ, который употребилъ все дипломатическое искусство для того, чтобы нанести ударъ церкви католической. Онъ доказываетъ, что только три сирійскія посланія можно почитать подлинными, — прочія же четыре суть посланія апокрифическія и принадлежать ко временамъ Тертуліана.

Противъ мнѣнія Бунзена возстали Бауръ и Гильгенфельдъ, но съ цѣлью не доказать подлинность греческихъ посланій Игнатія, а отвергнуть и посланія сирійскія. Бауръ осмысляетъ богослова-дипломата множествомъ насмѣшекъ, и доказывалъ, что довольно минутнаго сравненія древняго текста съ повымъ, дабы убѣдиться, что тѣ мѣста, которыя сохранились въ греческихъ манускриптахъ и почитаются вставочными, такъ тѣсно соединены съ цѣлымъ, что или не должно почитать все подлиннымъ, или же все надобно отвергнуть. «И такъ», пишетъ онъ, «последуйте нашему примѣру: вмѣсто того, чтобы восхищаться лоскутками Игнатія, пожертвуйте всеми его твореніями... Игнатій сирійскій не меньше скажетъ вамъ непріятнаго, какъ и Игнатій греческій».

Гильгенфельдъ хотя отдавалъ предпочтеніе греческому тексту (краткому) предъ сирійскимъ, но относилъ происхожденіе его ко 2-й половинѣ 2-го вѣка и доказывалъ, что во времена Игнатія не могло быть ни такого устройства церкви, о какомъ здѣсь говорится, ни такого развитія гностицизма.

Подлинность всѣхъ семи посланій защищали съ особенною силою: Гефеле, Ульгорнъ и Петерсонъ. Послѣдній сравнивалъ посланія Игнатія съ армянскимъ переводомъ этихъ посланій, который былъ сдѣланъ въ 5 или 6-мъ вѣкѣ съ языка сирскаго. И такъ какъ въ этомъ переводѣ находятся всѣ семь посланій Игнатія, то Петерсонъ выводилъ такое заключеніе, что и прочія четыре посланія Игнатія непременно должны быть гдѣ-нибудь на языкѣ сирскомъ.

Какъ же должно думать объ этихъ посланіяхъ?

Несправедливо было бы доказывать, что подлинно только сохранившееся на языкѣ сирскомъ. Безпристрастные критики сочиненій Игнатія приходили къ той мысли, что сирійскій текстъ есть сокращеніе посланій Игнатія, сдѣланное кѣмъ-либо съ добрымъ намѣреніемъ. «Авторъ сирійскаго манускрипта», говоритъ Гефеле, «имѣлъ въ виду цѣль *нравственную*. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, онъ выбросилъ изъ посланій тѣ мѣста, въ которыхъ заключалось развитіе догматовъ, а ограничился только замѣчаніями практическими».

Эта мысль весьма вѣроятна; потому что тѣ мѣста, которыхъ нѣтъ въ сирійскомъ текстѣ и которыя существуютъ только въ греческомъ, не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что изобличало бы умысленный подлогъ.

Нѣтъ въ сирійскомъ текстѣ 2-й главы посланія къ ефесѣямъ. Но какая была нужда поддѣлывать эту главу, когда въ ней ничего не содержится больше, кромѣ похвальнаго воспоминанія о нѣкоторыхъ лицахъ посольства? Нѣтъ въ сирійскомъ текстѣ

начала 3-й главы, главъ 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, начальныхъ словъ 8-й главы, главъ 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 16-й, 17-й, большей части 18-й и 19-й главъ, наконецъ главъ 20 и 21. Но въ этихъ главахъ нѣтъ ничего особенно новаго, нѣтъ ничего такого, что противорѣчило бы сказанному въ сирійскомъ текстѣ. Главы 4-я, 5-я и 6-я заключаютъ въ себѣ увѣщаніе къ церковному единенію и къ повиновенію епископу, съ которымъ вѣрующіе должны быть соединены такъ тѣсно, какъ церковь съ Іисусомъ Христомъ, какъ Іисусъ Христосъ съ Отцемъ. Но эта же самая мысль высказана и въ сирійскомъ текстѣ 3-й главы: «Іисусъ Христосъ», сказано тамъ, «общая наша жизнь, есть мысль Отца, какъ и епископы, поставленные по концамъ земли, находятся въ мысли Іисуса Христа. Въ 7-й главѣ, началъ 8-й, въ 16-й, 18-й и 19-й главахъ говорится о людяхъ, которые коварно носятъ имя Христова, а между тѣмъ дѣлаютъ дѣла недостойныя Бога, которые растлѣваютъ вѣру ложнымъ ученіемъ о христіанскихъ таинствахъ. Но указаніе на подобныхъ людей заключается и въ 9-й главѣ, сохранившейся и въ сирійскомъ текстѣ, и эта глава имѣетъ тѣсную связь съ предшествующими ей главами, какъ показываютъ отчасти и начальные слова этой главы: «Узналъ я», пишетъ св. Игнатій, «что пришли *оттуда* къ вамъ съ злымъ ученіемъ, но вы не позволили разсѣвать его между вами». 11-я глава говоритъ о страхѣ Божіемъ, 12-я заключаетъ похвалу ефесянамъ, 13-я представляетъ увѣщаніе собираться для богослуженія, въ 14-й содержится побужденіе къ вѣрѣ и любви, въ 20-й говоритъ Игнатій, что еще будетъ писать къ ефесянамъ, въ 21-й проситъ молиться за него и за церковь сирскую. Словомъ, во всѣхъ этихъ главахъ нѣтъ ничего догматико-полемическаго.

Посланіе къ Поликарпу на сирскомъ языкѣ состоитъ изъ 6-ти главъ, а изъ остальныхъ двухъ главъ есть въ немъ только двѣ мысли. Но въ 7-й главѣ Игнатій убѣждаетъ Поликарпа созвать совѣтъ и избрать какого-либо достойнаго человека, кото-

рый могъ бы отплатиться посломъ въ Сирію. Въ 8-й—присовокупляетъ, чтобы и другія церкви отправили въ Антиохію пословъ, или же письма. Если предполагаютъ, что контрафакторъ посланій Игнатія руководился мыслию о возвышеніи правъ епископа; то увѣщаніе, заключающееся въ приведенныхъ главахъ, онъ долженъ былъ выбросить, а не вставить, потому-что въ этомъ увѣщаніи говорится скорѣе объ ограниченіи, чѣмъ о распространеніи власти епископа.

Посланіе къ римлянамъ также сокращено въ сирійскомъ текстѣ. Но такъ какъ и въ пространномъ текстѣ развивается одна и та же мысль, мысль о предстоящемъ Игнатію мученичествѣ, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія видѣть въ развитіи этой мысли умысленный подлогъ ¹⁾.

Нѣтъ серьезныхъ основаній сомнѣваться въ подлинности и всѣхъ семи посланій Игнатія. Подобные Блонделю, Делле, Бауру, Гильгенфельду указывали на анахронизмы, встрѣчающіеся будто бы въ этихъ посланіяхъ. Но анахронизмовъ нѣтъ, если безпристрастно разсмотрѣть содержаніе посланій.

Въ шести посланіяхъ (ефесеямъ, мигнезіанамъ, тралліанамъ, филиделѣйцамъ, смиряннамъ и Поликарпу) Игнатій говоритъ о томъ, чтобы христіане всѣми мѣрами старались о единеніи со Христомъ, которое можетъ быть двоякимъ: «по плоти и по духу», т. е. внѣшнимъ и внутреннимъ.

Единеніе по духу должно выражаться въ вѣрѣ и любви, которыя связуютъ христіанъ тѣснѣйшими узами со Спасителемъ, связуя ихъ въ то же время и другъ съ другомъ.

Но такъ какъ Игнатій писалъ свои посланія въ то время, когда еретики силились разстроить это духовное единеніе со Христомъ отрицаніемъ или божества Слова, или Его вочеловѣченія; то онъ почелъ необходимымъ укрѣпить вѣру христіанъ въ Спа-

---

¹⁾ Въ концѣ посланія къ римлянамъ, на сирійскомъ языкѣ, стоятъ 4-я и 5-я главы посланія къ тралліанамъ.

сителя какъ *Богочеловѣка*, соединившаго въ своемъ лицѣ два естества, божеское и человѣческое. Противъ евіонитовъ, которые смотрѣли на Іисуса Христа только какъ на человѣка, хотя и высшего обыкновенныхъ смертныхъ, св. Игнатій учитъ, что Іисусъ Христосъ пребывалъ съ Отцемъ прежде всякаго времени, что Онъ есть Слово вѣчное, неразлучное отъ Отца, который чрезъ Него открылъ себя въ ветхомъ заветѣ. Противъ докетовъ, которые почитали воплощеніе недостойнымъ Бога, и потому учили, что Христисъ родился, жилъ на землѣ и пострадалъ только *призрачно*, а не дѣйствительно, Игнатій очень часто повторяетъ, что Іисусъ Христосъ нашъ Господь и Богъ, воплотился истинно, что Онъ, по человѣчеству, носимъ былъ во чревѣ Пресв. Дѣвы, что Онъ, какъ человѣкъ, ѣлъ и пилъ, крестился отъ Іоанна, и былъ плотію пригвожденъ ко кресту при Понтіи Пилатѣ.

Единеніе со Христомъ по плоти, или внѣшнее, должно выражаться въ единеніи съ епископомъ, который изображаетъ собою самаго Іисуса Христа, и поставленъ для того, чтобы собирать пасомыхъ въ единое стадо этого единого Пастыря. Епископъ составляетъ внѣшнее средоточіе, къ которому пасомые необходимо должны примыкать, чтобы не оторваться отъ невидимаго своего средоточія, невидимой Главы.

Единеніе вѣрующихъ съ епископомъ должно выражаться въ томъ: 1) чтобы никто изъ нихъ не отказывался отъ общественныхъ церковныхъ собраний, въ которыхъ предсѣдательствуетъ епископъ, потому что въ такихъ собраніяхъ невидимо присутствуетъ самъ Іисусъ Христосъ, и молитва епископа, возсылаемая отъ лица всей церкви, бываетъ благоугоднѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ молитва частная. 2) Чтобы были признаваемы истинными только тѣ священнодѣйствія и таинства, которые совершаетъ епископъ, или же кто либо другой по его порученію и дозволенію. Всякое священнодѣйствіе, совершаемое безъ дозволенія епис-

копа, т. е. отдѣльно отъ него, по словамъ св. Игнатія, есть служба діаволу.

Хотя каждый епископъ въ своей церкви составляетъ средоточіе, въ которомъ вѣрующіе, объединяясь видимо, входятъ въ невидимое единеніе со Христомъ; однакоже онъ выполняетъ свое назначеніе не одинъ. Для управленія церковію дано ему еще пресвитерство, которое находится въ такомъ же отношеніи къ епископу, въ какомъ были апостолы къ Иисусу Христу; и если епископъ занимаетъ мѣсто Бога и Христа, то пресвитеры образуютъ совѣтъ апостольскій. Третья степень іерархіи есть степень діаконовъ: они подчинены епископу и пресвитерамъ; но міряне обязаны ихъ уважать и имъ повиноваться.

Вотъ общее содержаніе посланій! И, кажется, нѣтъ здѣсь ничего такого, что не гармонировало бы съ состояніемъ того времени, въ которомъ жилъ св. Игнатій.

Критики говорятъ, что полемика противъ докетовъ, въ посланіяхъ Игнатія, не кстати соединяется съ полемикою противъ іудейства, и указываютъ на выраженія, подобныя слѣдующимъ: «Если кто будетъ проповѣдывать вамъ іудейство, не слушайте его; ибо лучше отъ человѣка, имѣющаго обрѣзаніе, слышать христіанство, нежели отъ необрѣзаннаго—іудейство (Филад. 6). Нѣкоторые говорятъ: если не найду въ древнихъ писаніяхъ, то не повѣрю написанному въ евангеліи... Но для меня древнее—Иисусъ Христосъ, крестъ Его, Его смерть и воскресеніе (8). Хороши священники, но превосходитъ Первосвященникъ, Которому ввѣрено святое святыхъ, Которому одному ввѣрены тайны Божіи. Онъ есть дверь ко Отцу, которою входятъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, пророки и апостолы и церковь... Но евангеліе имѣетъ въ себѣ нѣчто превосходитѣйшее: это пришествіе Господа нашего Иисуса Христа, Его страданіе и воскресеніе; ибо возлюбленные пророки только указывали на Него, а евангеліе есть совершеніе нетлѣнія» (9). Изъ этихъ выраженій можно бы заключить, гово-

рятъ критики, что авторъ обозначаетъ двѣ разлнчныя партіи, которыя являлись и развивали свою дѣятельность въ разныхъ мѣстахъ. Но въ посланіи къ Магнезіанамъ онъ пишетъ: «Берегитесь, чтобы не впасть въ сѣти ложнаго знанія, а вѣруйте несомнѣнно въ рожденіе, страданіе и воскресеніе Христа, во времена Понтія Пилата» (11). Эти слова, по видимому, указываютъ уже не на двѣ отдѣльныя ереси, а на одну и ту же партію, т. е. или іудействующихъ гностиковъ, или гностическихъ іудеевъ. Если допустимъ послѣднее, то не найдемъ на это подтвержденія въ исторіи; а если первое, т. е. если будемъ разумѣть двѣ отдѣльныя ереси,—то въ такомъ видѣ, въ какомъ здѣсь представляются, онѣ принадлежать не одной эпохѣ...

Подобное разсужденіе критиковъ заслуживало бы особеннаго вниманія въ томъ случаѣ, если бы у насъ не было евангелія и посланій св. Іоанна Богослова, которыя скажутъ намъ почти тоже самое. Когда св. Іоаннъ, пиша свое евангеліе, съ особенною подробностію разсуждаетъ о божествѣ Слова; то это разсужденіе его, какъ извѣстно исторически, было направлено противъ іудействующихъ еретиковъ Коринеа и Малой Азіи, которые отвергали—съ одной стороны—божество Христа, а съ другой—доказывали необходимость исполненія закона Моисеева. Но что св. Іоаннъ не оставилъ безъ вниманія и докетовъ, отвергавшихъ человѣчество во Христѣ, тому доказательствомъ служатъ слѣдующія слова его 1-го посланія: «Еже бѣ исперва, еже слышахомъ, еще видѣхомъ очима нашими, еще узрѣхомъ, и руки наша осязаша, о словеси животнѣмъ»...

Васательно еретиковъ есть только одно выраженіе у Игнатія, которое очень долго было предметомъ недоумѣній. Именно въ посланіи къ Магнезіанамъ сказано: «Исусъ Христосъ есть вѣчное Слово Отца, происшедшее *отъ молчанія*». Прежніе критики утверждали, что слово *молчаніе* (σιγή) указываетъ на ересь Валентина, который существовалъ позже времени св. Игнатія.

Но въ настоящее время и это выраженіе объяснилось; потому что въ *философуменахъ* (принадлеж. св. Ипполиту) нашли отрывокъ изъ *великаго откровенія* Симона Волхва, гдѣ весьма ясно говорится, что Симонъ во своей системѣ давалъ первое мѣсто *молчанію*. Это показываетъ, что въ посланіяхъ, приписываемыхъ Игнатію, разумѣется ересь Симона, а не Валентина.

Разсматривая содержаніе посланій Игнатія, мы видѣли, что онъ, кромѣ внутренняго единенія, требуетъ отъ вѣрующихъ единенія внѣшняго, общественнаго. И такъ какъ порядокъ въ обществѣ не мыслимъ, если не будетъ различія между тѣми, кои руководятъ и тѣми, кои руководятся; то св. Игнатій старается доказать необходимость іерархіи.—Но въ томъ, что относится къ должности представителя общества, мы находимъ у Игнатія, говорятъ критики, нѣчто особенное, находимъ дальнѣйшее развитіе ученія объ іерархіи, новый *stadium*. Изъ новаго завѣта мы знаемъ только о коллегіальномъ представителѣ, который называется то епископомъ, то пресвитеромъ; но въ посланіяхъ, приписываемыхъ Игнатію, мы встрѣчаемъ ученіе о различіи между однимъ епископомъ и множествомъ пресвитеровъ, или — такъ сказать — ученіе о епископствѣ монархическомъ. Авторъ этихъ посланій называетъ себя епископомъ, называетъ также Онисима епископомъ ефесянъ, Поликарпа епископомъ смирнянъ, и такимъ образомъ ясно показываетъ, что ему очень хорошо извѣстно различіе власти епископской отъ пресвитерской. Мало этого, авторъ требуетъ отъ вѣрующихъ безпрекословнаго повиновенія епископу, и въ этомъ повиновеніи указываетъ единственное средство для избѣжанія ересей: «Пребывайте», пишетъ онъ, «въ единеніи съ Богомъ и епископомъ (Полик. 8). Подчиняйтесь епископу, какъ заповѣди Божіей, равно и пресвитерамъ (Тралл. 8). Ничего не дѣлайте безъ епископа (2). Гдѣ пастырь, тамъ должны быть и овцы» (Филад. 2). Но самое важное то, что авторъ хочетъ не только возвысить, но даже отдѣлить епископство отъ пресвитер-

ства, въ смыслѣ специально-іерархическомъ. Онъ почитаетъ епископа какъ бы олицетворенной волей Христа, какъ бы единственнымъ лицомъ, способнымъ низводить на человѣка благодать Божію. «Что епископъ почитаетъ хорошимъ», говоритъ онъ, то благоугодно и Богу (Смирн. 8). Епископу мы должны внимать какъ самому Господу, ибо онъ имѣетъ предсѣданіе на мѣстѣ Христа, какъ пресвитеры на мѣстѣ синаedrіума апостоловъ (Ефес. 6. Магн. 6). Кто почитаетъ епископа, тотъ почитаетъ Бога; кто тайно дѣлаетъ что нибудь безъ епископа, тотъ служитъ діаволу (Смирн. 8).

Что сказать объ этомъ?

То правда, что относительно должности епископа мы находимъ у Игнатія самыя точныя и опредѣленныя свѣдѣнія, какихъ, пожалуй, доселѣ и не встрѣчали. Но этого надлежало и ожидать, потому что ученіе объ іерархіи, какъ и всякое христіанское ученіе, постепенно развивалось. Мысли св. Игнатія могли бы показаться невѣроятными только въ такомъ случаѣ, если бы онѣ противорѣчили мыслямъ прежнихъ мужей апостольскихъ. Но св. Климентъ Римскій, писавшій прежде Игнатія, говорилъ почти то же самое. Въ своемъ посланіи къ Коринтеянамъ онъ выставилъ разныя основанія необходимости повиноваться лицамъ іерархіи, особенно же епископу, котораго авторитетъ былъ тогда унижаемъ высокоуміемъ нѣкоторыхъ членовъ церкви. Онъ указывалъ коринтеянамъ и на устройство нашего тѣла и на порядокъ въ римскихъ легіонахъ и на ветхозавѣтную іерархію, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и Игнатій, говорилъ о происхожденіи власти епископской. Гораздо больше, конечно, чѣмъ Климентъ, говоритъ Игнатій о правахъ епископа; но не настолько больше, чтобы изъ его словъ можно было вывести новую идею, идею о томъ, что епископъ есть единственное лицо, которое способно низводить благодать Божію на человѣка. Епископство есть, по Игнатію, только церковная должность; епископъ есть только

стражъ и руководитель единенія и нравственнаго порядка въ обществѣ. И если Игнатій пишетъ Поликарпу, что бракъ долженъ быть заключаемъ не иначе, какъ съ согласія епископа; то непосредственно послѣ этого прибавляетъ: «ибо все должно дѣлаться для прославленія Бога; бракъ, заключенный съ согласія епископа, есть бракъ .по Богу, потому что честь Божія требуетъ поддержанія порядка въ обществѣ чрезъ епископа,—а не потому, что Богъ чрезъ епископа сообщаетъ брачующимся особенное, таинственное дѣйствіе (гл. 5). И такъ какъ епископъ не долженъ ничего дѣлать безъ воли Божіей, такъ какъ онъ обязанъ наблюдать величайшую вѣрность въ исполненіи своихъ обязанностей; то весьма естественно, что такому лицу надобно оказывать безпрекословное повиновеніе.

Остается сказать нѣсколько словъ о 7-мъ посланіи Игнатія: «къ Римлянамъ».

Къ написанію этого посланія былъ поводъ особый: св. Игнатій, узнавъ, или предполагая, что жители Рима душевно желаютъ сохраненія его жизни, убѣждаетъ ихъ не только не препятствовать, но содѣйствовать ему принять мученическій вѣнецъ.

Отрицающіе подлинность посланія говорятъ, что Игнатій не имѣлъ никакихъ основаній опасаться ходатайства римлянъ объ избавленіи его отъ смерти; потому что смертный приговоръ былъ подписанъ императоромъ, который въ то время находился далеко отъ Рима, и слѣдовательно ходатайство не только не могло имѣть успѣха, но даже было невозможно.—Но на это мы должны замѣтить, что въ посланіи дѣло идетъ о ходатайствѣ не предъ императоромъ, а предъ Богомъ, который, какъ крѣпко вѣрилъ Игнатій, всегда могъ, по молитвамъ вѣрующихъ римлянъ, избавить его отъ мученической смерти.

К. С.

— — — — —